

О ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ СВОЕОБРАЗИИ ФРАЗЕМИКИ РУССКИХ ОСТРОВНЫХ ГОВОРОВ ОДЕСЩИНЫ

About Linguocultural Originality of Phrasemics
of Russian Insular Dialects of Odessa Region

Наталья Георгиевна Арефьева
n.arefieva@onu.edu.ua

Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова (Одесса, Украина)

Natalia G. Arefieva
n.arefieva@onu.edu.ua

Odessa I.I.Mechnikov National University (Odessa, Ukraine)

ISSN: 1698-322X ISSN INTERNET: 2340-8146

Fecha de recepción: 27.04.2022

Fecha de evaluación: 20.12.2022

Cuadernos de Rusística Española n° 18 (2022), 17 - 29

РЕЗЮМЕ

В статье рассматривается фраземика русских островных говоров Одесщины — уникальный языковой и культурный пласт, на формирование и функционирование которого оказало значительное влияние длительное пребывание русских диалектоносителей в разноязычном и разнокультурном окружении. Цель исследования состоит в определении лингвокультурного своеобразия фраземики русских островных говоров Одесской области Украины. Опираясь на ведущее положение лингвокультурологической школы В. М. Телия о культурной обусловленности фразеологизма, автор приходит к выводу о том, что лингвокультурное своеобразие фраземики русских говоров Одесщины определяется типологическими свойствами материнских, южнорусских по своему происхождению говоров, полилингвальными и поликультурными контактами, а также географическими, ландшафтными и другими особенностями местности, в которой проживают русские диалектоносители, их религиозными и культурными традициями, приобретенным историческим опытом. Несмотря на длительное пребывание в окружении разных языков и культур, фраземика русских говоров сохранила унаследованные особенности материнских говоров, что проявляется в гармоничном сочетании внутренней и внешней структуры. Фраземика русских говоров Одесщины отличается прозрачной внутренней формой и благозвучием. Речь русских переселенцев характеризуется высокой степенью фразеологической «насыщенности».

Ключевые слова: русские говоры Одесщины, фраземика, лингвокультурное своеобразие.

ABSTRACT

In this article phrasemics of Russian insular dialects as a unique language and cultural layer, formation and functioning of which is largely determined by a long stay of Russian dialects' speakers in a multilingual and multicultural environment is analyzed. The purpose of the study is to determine linguocultural originality of phrasemics of the Russian insular dialects of Odessa region of Ukraine. Based on the leading position of the linguoculturological school of V. M. Telia about cultural conditioning of phraseologisms, the author comes to conclusion, that the linguocultural originality of phrasemics of the Russian dialects of Odessa region is determined by typological peculiarities of the southern Russian mother dialects, multicultural and multilingual contacts, but also by geographical, landscape and other features of the area in which the dialects speakers live, their religious and cultural traditions, acquired historical experience. Despite a long stay surrounded by

different languages and cultures, the phrasemics of the Russian dialects of Odessa region preserved original features of the southern Russian mother dialects, which manifest themselves in a harmonious combination of internal and external structure. Phrasemics of the Russian dialects of Odessa region is distinguished by a transparent internal form and euphony. The speech of Russian settlers is characterized by a high degree phraseological "saturation".

Keywords: Russian dialects of Odessa region, phrasemics, linguocultural originality.

ВВЕДЕНИЕ

Русские говоры Одесской области Украины (Одесщины) — переселенческие, островные, южнорусские по своему происхождению, преимущественно курско-орловские — около 200 и более лет функционируют в поликультурном и полилингвальном окружении. Их изучение началось в 50-х гг. прошлого века и проводилось учеными Одесского государственного (ныне национального) университета имени И. И. Мечникова и Одесского педагогического института (ныне Южноукраинский национальный педагогический университет) имени К. Д. Ушинского.

Уникальный лингвокультурный пласт — фраземика русских диалектоносителей юга Украины — долгое время оставался неисследованным. В этом ключе совершенно справедливыми нам кажутся слова проф. В. М. Мокиенко, работавшего с материалами картотеки диалектологических экспедиций в русских селах Одесщины (всего в регионе таких сел насчитывается более 40) и включившего около 200 фразеологизмов в свои фундаментальные труды — «Большой словарь русских поговорок», «Большой словарь русских пословиц» и «Большой словарь русских народных сравнений» (БСРП 2007, БСПС 2010, БСРНС 2008): «...лексика и фразеология — зеркало материальной и духовной культуры не только первоначальников этой территории, но и летопись многолетних контактов с соседями — украинцами, болгарами, молдаванами, немцами, румынами, гагаузами» (Мокиенко 2020: 355).

МАТЕРИАЛ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Цель исследования состоит в определении лингвокультурного своеобразия фраземики русских говоров Одесщины, что обуславливает решение следующих задач:

1) проследить влияние характерных языковых особенностей русских говоров Одесщины, как унаследованных от материнских южнорусских говоров, так и приобретенных, обусловленных межъязыковыми и межкультурными контактами, на фраземiku русских диалектоносителей; 2) выявить лингвокультурное своеобразие фраземики русских говоров Одесщины на основе методов лингво- и этнолингвокультурной интерпретации, предполагающих привлечение сведений по истории, культуре, обычаям, обрядам и верованиям, социальной организации общества, географическим и иным особенностям местности, в которой проживают носители языка.

Материалом исследования явились более 1700 фразем, разработанных автором настоящего исследования во «Фразеологическом словаре русских говоров Одесщины» (ФСРГО 2020) и приложении к докторской диссертации «Фразеология російських

переселенських говірок Півдня України: лінгвокультурологічний та лексикографічний аспекти», захищеної в 2021 році (Арефьева 2021б).

В настоящей работе используются описательный и сопоставительный методы, метод структурно-семантического моделирования, метод лингво- и этнолингвокультурной интерпретации, концептуальный анализ. Исходным методологическим положением является тезис о фразеологизме как знаке языка и культуры, разработанный представителями лингвокультурологической школы В. М. Телия и сформулированный М. Л. Ковшовой: в образ фразеологизма вовлекаются реалии, которые уже «награждены культурными смыслами», а «фразообразование имеет культурную обусловленность» (Ковшова 2016: 146-147).

РЕЗУЛЬТАТЫ

Прежде всего, отметим: несмотря на длительное пребывание в окружении разных языков и культур, фраземика русских говоров Одесщины не только не утратила своих первоначальных особенностей, унаследованных от материнских диалектов, но и, напротив, сохранила их, являя собой яркий пример гармоничного сочетания внутренней и внешней структуры. Часто на основе исключительно устной формы бытования диалекта за счет типологических свойств говоров и новых особенностей, приобретенных под влиянием соседствующих родственных и неродственных языков, создавалось региональное фонетическое созвучие, обрамляющее широко распространенный устойчивый структурно-семантический инвариант, ср., напр.: Кума пёши — коню лёгше — погов. ‘не хочет — и не надо, меньше хлопот, беспокойства’: Я хатёла памочь ей, а анà нòсам кру́тить. Кума пёшы, каню лёкшэ, свайми дилàми займусь (Прим., 2017-2018) (ФСРГО 2020: 118). Ср. общенародную поговорку Баба с возу — кобыле лёгче и ее диалектные аналоги, бытующие на территории России: Баба с возу — колесам лёгче (Тамб.), Баба с колес — колесам лёгче (Тамб. Омск.) (БСРП 2007: 25), а также региональные Кума пеша (пеше) — куму легче (Пск. (Пытал.)), Кума шла пеша — кумоньям (кумоньям) лехче, Кума шла пеше — куму легче, Кума с воза, а кобыле легче. (Кубан)., Кума с возу — кобыле легче, Кума с возу — коню легче (легше) (Пск. (Пытал.)) (БСРПС 2010: 461). Ср. также зафиксированную в русских говорах Одесщины поговорку Работа не ведмёдь, в лес не увойдётся ‘необязательно спешно браться за выполнение какой-л. работы’: Работà ни видмётъ, в лес ни увайдётся (Возн., 1971) (ФСРГО: 178), где увойтì — диал. ‘уйти’ (СРГО, 2: 237), построенную по широко распространенной структурно-семантической модели и имеющей следующие аналоги: общеупотр. Работà не волк, в лес не убежит, Работà не бес — не убежит в лес (Печор. (Усть-Цильм.), Пск. (Оп.)), Работà не волк — в лес не уйдет (Ирк.), Работà не медведь — дадут и завтра поглядеть (Пск. (Слан.)). Работà не медведь — дает и поглядеть, Работà не медведь — можно издалекà поглядеть (Помор.), Работà не медведь — можно сбòку поглядеть (Печор. (Усть-Цильм.)), Работà не ревет [и есть не прòсит], Работà не черт — в воду не уйдет (Ирк.), Работà не шут — в воду не уйдет (Урал. (Яицк.)) (БСРПС 2010: 740).

Языковое своеобразие говоров, несомненно, сыграло важную роль в создании диалектных фразем, многие из которых отличаются исключительной мелодичностью

звучания, благозвучием, ср.: Ешь, пока рот свеж, а завяня — есть не стая — погов. ‘ешь, пока молод, пока не постареешь, так как потом не захочешь или не сможешь’: Йище в дѣтстве бабушка уварыла: «Еш, пока рот свеш, а завяня — есть ни стая» (Введ., 2019) (ФСРГО 2020: 86), ср. общеупотр.: Ешь, пока рот свеж: уста завянут, ни на что не взглянут, Ешь, пока рот свеж, завянет — ни на что не взглянет (РПП 1961: 11, 59). Константное проявление заударного вокализма, воплощенное в вышеприведенной поговорке, ярко демонстрирует и следующая запись, содержащая фразу Сыр, каравай принимайте, [наших] молодых одаряйте!, соотносящуюся со свадебной обрядностью: Дарылися на второй день, сходилися, застолье было, нивесту у платок накрыли, рэжут каравай, кусочик брынзы чи шышку давали и уварыли: «Сыр, каравай прынимайтя, маладых адаряйтя!» (Введ., 2019, Возн., 2020) (ФСРГО 2020: 205).

Ряд фразем, закрепивших характерные языковые особенности материнских южнорусских говоров и уже представляющих собой языковую архаику (глагольные формы на еть в 3-ем л. ед. ч., см. приведенный выше пример Работа не ведмедь, в лес не уойдѣть; употребление звука [ф] вместо [хв]; произношение окончаний прилагательных мужского и среднего рода, местоимений и порядковых числительных как -оуа, -ауа, -иуо, -ауо и другие), согласно современным лексико- и фразеографическим данным не имеют аналогов в русском общенациональном фразеопространстве, ср.: Хорошо глядѣть, как солдат идѣть — посл. ‘нетрудно позавидовать кому-л. — трудно жить чьей-л. жизнью со всеми ее сложностями и проблемами’: Харашо улядѣть, как салдат идѣть (Введ., 2019) (ФСРГО 2020: 221); Батя знаѣ, када фата ‘выражение уверенности в своей правоте в ответ на чьи-л. назойливые советы, рекомендации и т. п.’ (Введ., 2019) (ФСРГО 2020: 35); много, ды дурного — погов., неодобр. или шутил.-ирон. ‘о несоответствии количества и качества чего-л.’: Мнѡуа, ды дурнѡуа (Возн., 2020) (ФСРГО 2020: 126) и другие.

Характерные особенности южнорусских говоров ярко проявляются — как и на уровне любого другого языкового яруса — и в речевом употреблении общенародных фразем. В качестве примера приведем несколько иллюстраций, записанных нами во время полевых исследований в 2019-2020 гг.: 1. Ен и в душу залѣзе (Введ.) (КА 2018-2021), ср. общеупотр. влезать (залезать, лезть) / влезть (залезть в душу) кого, чью, кому (ФСРЯ 1968: 72). 2. Ну, што зделаеш, кровь иурае у чилавѣка (Введ.) (КА 2018-2021), ср. общеупотр. кровь играет (кипит, бродит, горит) в ком (ФСРЯ 1968: 213-214). Здесь в функционировании ДФЕ фиксируем одну из отличительных южнорусских диалектных особенностей — употребление глаголов I-II спряжения в 3 л. ед. ч. без т — залѣзе, иурае, ср. также иллюстрации к собственно диалектным фраземам, записанные в это же время: Ен фхѡдя ф свет (Троиц., 2019). Ен в лѣвае уха залѣзе, ф правае вѣлезе (Введ., 2019). — Ты у Юрки спраси, какѣ он пѣсни урае (Введ., 2019) (КА 2018-2021).

Как уже было сказано, фраземика русских говоров Одесщины испытала несомненное влияние со стороны как родственных, так и неродственных языков и прежде всего, конечно, влияние близкородственного украинского языка. Так, во фраземике русских переселенцев нашли воплощение такие культурно значимые для украинской языковой картины мира концепты, как «чумак», «хата», «рушник», «гурт», «казак», «борщ» (Ужченко, Ужченко 2007: 295; РУФСКС 2018). Ср., к

примеру, такие ДФЕ, как чумацкий шлях ‘Млечный путь’, чума́к за со́лью едет 1) ‘о Млечном пути’; 2) ‘созвездие Большой Медведицы’, чума́цкий дождь ‘дожь, идущий несколько суток, затяжной дождь’, що чума́к взэ́, то и грызэ́ — погов. ‘каждый пользуется результатами своего труда’ (ФСРГО 2020: 227, 229) и др.; больша́я ха́та ‘гостиная, лучшая комната в доме; комната для торжественных событий, а также похорон’, ве́рхняя ха́та, совпадающая в 1-ом значении с предыдущей ДФЕ, во 2-ом — ‘спальня, меньшая по размерам комната в доме’, втори́чная ха́та ‘спальня, меньшая по размерам комната в доме’ и совпадающая по значению с ней фразема за́дняя ха́та, пословица Свой ха́тка — ро́дная ма́тка ‘лучше всего в родном доме’ (ФСРГО 2020: 38-39, 48, 59, 92, 186) и др.; вяза́ть рушники́ ‘свадебный обычай, согласно которому сватов, дружек и других почетных гостей обвязывают полотенцами’, посыла́ть / посла́ть за рушника́ми ‘засылать сватов; сватать невесту. От обычая, по которому сватающих невесту повязывали рушниками в знак согласия на брачное предложение’ (ФСРГО 2020: 65, 169); Гу́ртом да ми́ром сподру́чней — посл. ‘вместе легче выполнять любое сложное дело, любую работу’ (ФСРГО 2020: 74); тры́нды-ры́нды — го́лый борщ ‘о вранье или пустой болтовне’ (ФСРГО 2020: 209), бе́лый борщ ‘борщ, заправленный сметаной и яйцами’ (СРГО 2000-2001, 1: 36); каза́чья сулея́ ‘керамический графин для вина, используемый казаками’ (ФСРГО 2020: 105) и многие другие. Вышеприведенные многочисленные примеры, на наш взгляд, подтверждают, что данные концепты оказались культурно значимыми и для русских диалектоносителей.

Отмечено влияние болгарского языка, ср., например, ДФЕ гряди́ну де́лать ‘обрабатывать огород’; гринадерская брига́да ‘овощеводческая бригада’ (ФСРГО 2020: 73); влияние румынского языка, ср. ДФЕ пять бань не дает ‘о равнодушном, беспечном, безынициативном человеке’, розуму на пять бань ‘о глупом человеке’ (ФСРГО 2020: 178, 182-183), где бань — название румынской мелкой монеты; влияние молдавского языка, ср. ДФЕ отдава́ть стол ‘от молдавской погребальной традиции, по которой после выноса умершего со двора в воротах ставят стол с вином и угощениями для пришедших на похороны’ и др. (ФСРГО 2020: 149). Незначительно влияние других языков: а) немецкого, ср. ДФЕ о́ба цвай ‘о нерадивых супругах’ (ФСРГО 2020: 144); б) еврейского, ср. ДФЕ ле́я бе́гает ‘о ленивой хозяйке’ (ФСРГО 2020: 121), где именной компонент лея — производный от еврейского женского имени Лея, в речи одесситов означающего недалекую и несообразительную женщину, плохую хозяйку (Степанов 2004: 231); в) тюркское влияние, ср. ДФЕ яма́н-яма́н ‘кое-как’, где компонент яман в значении ‘худо, плохо, нехорошо’ (ср. тат., крым.-тат., тур., чагат., уйг. jaman — ‘плохо, плохой’ (БСРПС 2010: 23; ЭСРЯ 1987: 556)) является составной частью и других русских пословиц и поговорок: Но́ня атама́н, вза́тра яма́н; Ни яма́н, ни якши́, ни сре́дней руки́ ‘о чем-л. посредственном, неопределенном’ (БСРПС 2010: 23; БСРП 2007: 773). В то же время ученые, изучающие островные говоры Бессарабии, отмечают высокую языковую компетентность их носителей (Баранник 2015: 30; Степанов 2019: 48). Жители исконно русских селений без труда понимают не только украинскую речь, но и болгарскую, молдавскую, а зачастую и сами владеют несколькими языками и/или диалектами, и здесь можно говорить о переключении кодов, под которым, вслед за Е. А. Селивановой, понимаем «коммуникативную стратегию перехода

адресанта на языковой регистр адресата с целью достижения кооперативного результата» (перевод наш — Н. А.) (Селіванова 2010: 552). Неслучайным поэтому в исследуемых нами говорах является бытование выражения на тройном языке (говорить, балакать и т. п.) — устар. ‘на трех языках (говорить, болтать и т. п.)’: Ен уавòря на трайнòм языкè (Возн.). На трайнòм языкè — на трех языках (Возн.. 2020) (Арефьева 2021б: 573).

Рассматривая фраземику русских островных говоров юга Украины, нельзя не отметить, что образование, распространение и функционирование фразем, их семантическое наполнение и лингвокультурное своеобразие зависят от географических, ландшафтных и других особенностей местности, в которой проживают диалектоносители, а также от преобладающей конфессии и исторических корней русских переселенцев (казаки, отставные солдаты, крепостные крестьяне и т. п.), о чем мы писали в некоторых наших публикациях, см., напр.: (Арефьева 2018: 10; 2021а: 114-116). Именно поэтому фразеологический фонд и шире — фразеологическая картина мира — представляют собой живой организм, в котором отражаются быт, история, местные промыслы, религиозные и культурные традиции диалектоносителей. Так, нетрудно заметить, что в селе Троицком Беляевского района Одесской области, основанном русскими переселенцами из Курской губернии в 1794 году и расположенном на берегу Турунчука (одной из протоков нижнего течения Днестра), значимое место занимают фраземы, связанные с рыбной ловлей. Ср., к примеру: турунчаковàя накíдка ‘снасть для ловли рыбы при быстром течении’: А каудà бýстрая тичиà, лóвим турунчаковàй накíткàй (СРГО 2000-2001, 2: 231); ча̀стиковые (чистяко̀вые) сèти ‘орудие для ловли рыбы — сети с очень мелкой ячейкой’: Лучшэ фсивò рýбу лавíть на ча̀стикавые сèти (Троиц., 2018) (ФСРГО 2020: 224); тя̀гловый нёвод ‘вид невода, перемещаемого в процессе ловли рыбы’: Фсем давàли нивадà — и ставнýя, и тя̀улавýя (Троиц., 1970) (ФСРГО 2020: 210); ставнòй нёвод ‘вид невода, который забрасывался в реку и не перемещался в процессе ловли’: Когдà тятя рýбàлил на Лузàновке в сòставе рýбацкòй бригады со ставнým нёводом, Николай пòсле рабòты с зава̀да приходíл на пляж (Троиц.). Ставнòй нёват — э̀та прòсто нёват, а тя̀улавый — э̀та катòрый тя̀уàли (Троиц., 2019) (ФСРГО 2020: 200). Эвфемистическое выражение в (у) капýсте найтí (знайтí) кого с факультативной частью на той стороне, употребляемое в том же селе в ответ на вопрос ребенка «Откуда я взялся?», также мотивировано расположением села на берегу Днестра, что актуализирует в семантике фразеологизма значительную отдаленность и малодоступность противоположного берега: — Ма̀ма, ¿де ты ми́нэ знайшлà? — Тибя̀ знайшлы́ у капýсте на той старанè (Троиц., 2021) (Арефьева 2021б: 489). Такие фраземы, как прибыльная (прибульнàя) вода ‘вода, прибывшая в реке в половодье’: Виснòй прибульнàя вадà усе тòпить (Троиц., 1970). Виснòй прибульнàя вадà полсилà затаплýить (Троиц., 1970) (ФСРГО 2020: 170; СРГО 2000-2001, 2: 107); вòльная вода́ в том же значении: Ка̀дà вадà вòльная (Возн., 1975) (ФСРГО 2020: 56); горòй стать ‘о вышедшей из берегов воде’ (БСРНС 2008: 143) и другие имплицитно отражают особенности проживания и хозяйствования в низовьях большой реки. То же можно сказать и о городе Вилково Килийского района Одесской области — украинской Венеции, расположенной в устье Дуная. Значительная часть функционирующих здесь фразем отражает именно эти особенности региона. Ср.:

пароход-покойник 'затонувший корабль; старое, неиспользуемое судно': Нидалека там пароходы-покойники лижать (Вил., 1988) (ФСРГО 2020: 153); разберёжная вода 'вода, вышедая из берегов, разлившаяся вокруг во время паводка или ливневых дождей': Висной большая разберёжная вода была, типеря стайть у плавнях (Вил.) (СРГО 2001-2002, 2: 133). И, наоборот, жители сел, расположенных в степной местности, используют в речи фраземы, эксплицирующие именно эту особенность ландшафта. Ср., к примеру, фраземы, функционирующие в речи диалектоносителей села Русская Ивановка Белгород-Днестровского р-на Одесской области: степовая василька 'сорняк': Стипавая василька цвितеть белиньким (Рус. Ив.); степовой коверчик 'сорняк, который расстилается по земле': Стипавой коверчик растеть на уармани, на поли, на уароди (Рус. Ив., 1972); степовые ротики 'степной сорняк': Степавые ротики цвитуьт кремавым (Рус. Ив.) (СРГО 2001-2002, 2: 192; ФСРГО 2020: 202).

Ярким лингвокультурным своеобразием отличаются фраземы русских говоров Одесщины, семантика которых отражает мировоззрение старообрядцев. Так, заключительная фраза в ритуале богослужения у липован, проживающих в селе Приморском Килийского района Одесской области, И Богу нашему слава со временем расширила свое значение и стала означать конец какого-л. дела: Замарылись за день, наарутились... Щас павичерим, памодимся, и Боуу нашему слава (Прим., 2017-2018) (ФСРГО: 99). Устойчивое выражение ни печали ни въздыхания, произносимое в одной из молитв во время ритуального обряда погребения и бытующее в том же селе, также было со временем переосмыслено и в настоящее время употребляется для характеристики равнодушного, безынициативного, бездеятельного человека, ассоциирующегося в сознании диалектоносителей с покойником: Живеть он — ни пичали, ни въздыхания (Прим., 2017-2018) (ФСРГО: 141). Приведенные выше фраземы не имеют аналогов в общенародном фразеологическом фонде.

Как уже было сказано, во фраземике русских диалектоносителей закрепились и исторические корни русских переселенцев, среди которых были казаки, ср. уже упомянутую нами ДФЕ казачья суля — этнограф. 'керамический графин для вина, используемый казаками' (Троиц., 2018) (ФСРГО: 105); государственные крестьяне и отставные солдаты, переселенцы из южнорусских губерний. Так, внутренняя форма целого ряда фразем сопряжена со службой в армии — одним из важнейших событий в жизни крестьянства: быть у погонцах 'нести военную службу; служить в армии': Мой батяка был у пагонцах (Б. Бур.). Был у пагонцах — служыл у людях (Усп.) (ФСРГО: 43), где погонец — устар. 'рекрут' (СРГО, 1: 40); погов. Винавата хата, что впустила солдата — неодобр. или шутил.-ирон. 'о стремлении переложить вину на кого-л. другого': Ауа, винавата хата, што фпустила салдата. Он работат ни хочить, а йиму хтось винаватый (Прим., 2017-2018) (ФСРГО: 53); брать в казну — устар. 'брать в армию на срочную службу': Хто адинак, так их ни брали ф казну (Никол.) (ФСРГО 2020: 40); прижилье люди 'семьи, не имевшие и не получившие земли из-за того что никто из их представителей не служил в армии': У прижильных людей земли не було (Ст. Некр., 1974) (КСРГО 1956-2018); дела в отставке чьи 'о неработающих пенсионерах': Што було: работали, а сичас дила наши в атставке (Троиц, 1970). Паки работала, була усём надая, а типерь никаму ни надая — дила май в атставке (Троиц., 2019) (ФСРГО: 79); 'стать во

фрунт выстроиться»: Эти два старика вскочили, стали «во фрунт», вытянув руки по швам, и дружно прокричали: «Здрăвия желаем, Ваше благородие!» (ФСРГО: 201) и другие.

Нашли отражение во фраземике русских говоров Юга Украины и исторические события, приобретшие большое значение для жителей региона. Внутренняя форма таких фразем вполне прозрачна и легко объясняется диалектоносителями. Так, и сегодня широко употребительна ДФЕ голодный год, означающая период 1946-1947 гг., когда вследствие сильной засухи и неурожая зерновых культур, а иногда и неправильной политики хлебозаготовок, проводимой местными властями, жители сел Юга Украины переживали сильнейший голод: Мы выежжали уалодным уодам ис Стрѣя, минали села (Рус. Ив., 1987). В голодный год наши котцы (* круглые загородки для ловли рыбы, сплетенные из лозы и поставленные на кольца) обворовывали. (Троиц.) В уалодный гот умирали как качирѣшки (Введ., 2019). Асталась нас пѣтира: двѣ умирли в уалодный уод (Возн., 2020) (ФСРГО 2020: 71; Арефьева 2021б: 507). Бытуют и региональные названия Первой мировой войны — Николаевская война и Миколаевская война, внутренняя форма которых соотносится с периодом царствования Николая II: Вырасли бальшущие дериѡ при Никалаифскай вайне (Троиц., 1970, 2019). В Никалаифскую вайну ни було мѣла. (Возн.) (ФСРГО 2020: 141). Синонимом к вышеперечисленным фраземам выступает ДФЕ Австрицкая война, семантика которой связана с противостоянием российских и австро-венгерских войск на Юго-Западном и Румынском фронтах, пролегающих по территории нынешнего Юга Украины: Кауда Австрицкая вайна фспѣхнула, мужа семь аскѡлкаф наскрѡсь прашли (Введ., 1971) (ФСРГО 2020: 32). В речи русских диалектоносителей находим также фраземы, означающие целые исторические периоды: при (про) режиму 'в царское время': Про рижѣму кѣплиная: мама две купила — старшѣй сistrѣй и минѣ (Троиц., 1983). При режѣму кѣплина (Троиц., 2018) (ФСРГО: 172). К сожалению, неясным пока остается значение фраземы бѣлый царь, извлеченной нами из иллюстрации к слову «панчина, паншина» в «Словаре русских говоров Одесщины»: Так вот был Бѣлай царь, када паншына была (Спас.) (СРГО 2001-2002, 2: 12).

Соглашаясь с директором Института украинского языка НАН Украины профессором П. Е. Гриценко в том, что «свойственная устной речи, особенно в диалектной коммуникации, высокая степень варьирования способов выражения мысли, широко представленная дублетность и синонимия грамматических форм, разнообразие синтактики языковых единиц позволяют носителям говоров свободно оперировать разнообразными способами передачи мысли, более широкой информации» (перевод наш — Н. А.) (Гриценко 2015: 108-109), отметим, что речь русских переселенцев характеризуется яркой образностью и самобытностью, свидетельством чему является чрезвычайно высокая степень ее фразеологической «насыщенности». Так, часто небольшой фрагмент текста, записанный во время полевых экспедиций, буквально «пронизан» фраземами, становясь транслятором целого ряда культурных смыслов, ср.: Скѡлька йимѣ уаварѣли, скѡлька учѣли, ничивѡ ни пѡнял. Скѡлька мать слез пралила, фсе равно па кривѡй дарѡшке пашѡл. И што, щаслѣвый стал? Кто не слѣшает раднѣю мать — паслѣшает барабаннѣю шкѣру (Прим.) (КМ 2017-2018). Часто это фраземы с концептуально связанным

значением, иногда фразеологические дублеты, основная роль которых заключается в повышенной экспрессивности и образности текста, создании желаемого эмотивного фона. Ср. фрагмент, записанный в селе Введенке Саратовского района Одесской области в 2019 году: Харо́шый был чилавёк... Пу́хам йиму́ зимля, няха́й ляжы́ть (ФСРГО 2020: 139), в котором органично соединяются фразеологические дублеты — общеупотребительный (Земля́ пу́хом кому! 'в речевом этикете: доброе поминание умершего' (БСРП 2007: 253)) и местный (Неха́й лежи́т! в том же значении (ФСРГО 2020: 139)), что актуализирует доброе отношение информанта к умершему человеку, усиливает выразительность текста. Ср. также текстовый фрагмент, записанный в селе Приморском Килийского района Одесской области в 2017-2018 годах: Сасётка фсе насмиха́лась, што мне трудна жы́ть. Ничивò: на вику́, как на до́луй нйве — ни смейся, рабè, бо даста́ница и тибè (КМ 2017-2018). Ситуативное соединение двух коррелирующих и взаимодополняющих по своему семантическому наполнению фразем На веку́, как на до́лгой нйве и Не смейся, рабè, бо даста́нется и тебè! задает их следующее культурное прочтение: 'нельзя смеяться над чужой бедой, поскольку в жизни все может случиться и каждый может оказаться в трудной ситуации'. Приведем еще один пример, записанный в том же селе: Дèньуи бы́ли на книшке, а страна́ развали́лась, абабра́ли фсе на уòлую кость — ничивò ни аста́лась за душо́й (КМ 2017-2018). Соединение в одном предложении двух соматических фразем — локальной обобра́ть (стяну́ть) [все] на го́лую кость 'забрать все, ничего не оставить' (ФСРГО 2020: 144) и общеупотребительной за душо́й 'в наличии (иметься)' (ФСРЯ 1968: 152) в сочетании с отрицательной конструкцией ничегò не оста́лось не только усиливает экспрессивный «накал» текста, но и «индивидуализирует» его на фоне образовавшегося денотата: 'забрали все, поэтому и у меня лично (за душо́й) ничего нет'.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обобщая вышесказанное, можно констатировать: фраземика русских островных говоров Одесщины — уникальный языковой и культурный пласт, лингвокультурное своеобразие которого во многом определяется географическими, ландшафтными и другими особенностями местности, в которой проживают диалектоносители, их религиозными и культурными традициями, приобретенным историческим опытом, а также, в немалой мере, — поликультурными и полилингвальными контактами. Так, во фраземике русских переселенцев воплотились такие культурно значимые для украинской языковой картины мира концепты, как «чумак», «хата», «рушник», «гурт», «казак», «борщ». Отмечено влияние болгарского, румынского, молдавского и некоторых других языков. Фраземика русских говоров Одесской области Украины, во многом сохранившая исконные черты материнских диалектов, отличается единством внутренней и внешней структуры, прозрачной внутренней формой и благозвучием. Речь русских переселенцев характеризуется высокой степенью фразеологической «насыщенности».

Перспективой нашего исследования является не только дальнейший сбор богатейшего фактического материала, его верификация и семантизация, но и

сопоставление его с общенародным фразеологическим фондом, с фразеологическим фондом других говоров, как русских, так и близкородственных украинских на основе лингво- и этнолингвокультурной интерпретации.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Диал. — диалектное
 ДФЕ — диалектная фразеологическая единица
 Ед.ч. — единственное число
 Ирк. — Иркутская губерния (область), РФ
 Крым.-тат. — крымско-татарское; из крымско-татарского языка
 Кубан. — Кубанское (по р. Кубань)
 Л. — лицо
 Напр. — например
 Неодобр. — неодобрительно; неодобрительное
 Общеупотр. — общеупотребительное
 Омск. — Омская область (РФ)
 Оп. — Опочецкий район Псковской области (РФ)
 Печор. — Низовья Печоры
 Печор. (Усть-Цильм.) — печорское, из говоров Печоры, Усть-Цильминский р-н
 Погов. — поговорка
 Помор. — Поморье
 Посл. — пословица
 Пск. — Псковская область (РФ)
 Пытал. — Пыталовский район Псковской области (РФ)
 Слан. — Сланцевский район Ленинградской области (РФ)
 См. — смотрите
 Ср. — сравните
 Тамб. — Тамбовская губерния (область), РФ
 Тат. — татарское; из татарского языка
 Тур. — турецкое; из турецкого языка
 Уйг. — уйгурское; из уйгурского языка
 Урал. (Яиц.) — Урал (Яицкие казаки)
 Устар. — устаревшее
 Чагат. — чагатайское; из чагатайского языка
 Шутл.-ирон. — шутливо-ироническое
 Этнограф. — этнографическое

СОКРАЩЕННЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ РУССКИХ СЕЛ ОДЕСЩИНЫ

- Б. Бур. — Большое Бурилово Подольского района
 Введ. — Введенка Белгород-Днестровского района
 Вил. — г. Вилково Измаильского района

Возн. — Вознесенка Первая Болградского района
Никол. — Николаевка Болградского района
Прим. — Приморское Измаильского района
Рус. Ив. — Русская Ивановка Белгород-Днестровского района
Ст. Некр. — Старая Некрасовка Белгород-Днестровского района
Спас. — Спасское Белгород-Днестровского района
Троиц. — Троицкое Одесского района
Усп. — Успенровка Белгород-Днестровского района

БИБЛИОГРАФИЯ

- АРЕФЬЕВА, Н. Г. (2018): «К вопросу об изучении фразеологического фонда русских островных говоров Одесщины: постановка проблемы», Матеріали Міжнародної науково-практичної конференції «Філологія в країнах ЄС та в Україні на сучасному етапі» (Румунія, Бая-Маре, 21–22 грудня 2018р.), Бая-Маре, с. 8-11.
- АРЕФЬЕВА, Н. Г. (2021а): Фразеология русских переселенческих говоров Юга Украины: монография. Астропринт, Одесса.
- АРЕФЬЕВА, Н. Г. (2021б): Фразеологія російських переселенських говірок Півдня України: лінгвокультурологічний та лексикографічний аспекти: дисертація на здобуття наукового ступеня доктора філол. наук: 10.02.02 – російська мова: зах. 22.12.2021. Одеса, ОНУ імені І.І. Мечникова; ДНУ імені Олесея Гончара.
- БАРАННИК, Л. Ф. (2015): Лексика русских переселенческих говоров Одесской области, функционирующих в разноязычном окружении: учебное пособие. Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова. Одесса.
- БСРНС (2008): МОКИЕНКО, В. М., НИКИТИНА, Т. Г. Большой словарь русских народных сравнений. Москва: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп».
- БСРП (2007): МОКИЕНКО, В. М., НИКИТИНА, Т. Г. Большой словарь русских поговорок. Москва: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп».
- БСРПС (2010): МОКИЕНКО, В. М., НИКИТИНА, Т. Г., НИКОЛАЕВА, Е. К. Большой словарь русских пословиц. Москва: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп».
- ГРИЦЕНКО, П. Ю. (2015): “Інформаційний простір діалектного тексту”, Діалекти в синхронії та діахронії: текст як джерело лінгвістичних студій. Київ, с. 100-114.
- КА (2018–2021): Картотека Н. Г. Арефьевой. Компьютерный вариант.
- КМ (2017–2018): Картотека учителя общеобразовательной школы № 113 г. Одессы Л. М. Маргшиной. Компьютерный вариант.
- КОВШОВА, М. Л. (2016): Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. Москва: ЛЕНАНД.
- КСРГО (1956–2018): Картотека «Словаря русских говоров Одесщины». Кафедра русского языка (с 2020 г. — кафедра общего и славянского языкознания) ОНУ имени И. И. Мечникова. Рукопись.
- МОКИЕНКО, В. М. (2020): Рецензия на: «Наталья Г. Арефьева. Фразеологический словарь русских говоров Одесщины. Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова. Одесса, 2020», *Slavia: časopis pro slovanskou filologii*, ročník 89, sešit 3, s. 355-361.

- РПП (1961): РЫБНИКОВА, М. А. Русские пословицы и поговорки. Москва: Изд-во Академии наук СССР.
- РУФСКС (2018): АРЕФЬЕВА, Н. Г. Русско-украинский фразеологический словарь культурных символов. Одесса: Изд-во «Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова».
- СЕЛІВАНОВА, О. О. (2010): Лінгвістична енциклопедія. Полтава: Довкілля-К.
- СРГО (2000-2001): Словарь русских говоров Одесщины: в 2 тт. (отв. ред. Ю. А. Карпенко, С. Уэмура). Одесса: Изд-во «АстроПринт».
- СТЕПАНОВ, Є. М. (2004). Російське мовлення Одеси: монографія. Одеса: Астропринт.
- СТЕПАНОВ, Е. А. (2019): Современное состояние южнорусских переселенческих говоров Одесской области в «Идиолект русской языковой личности как отражение лингвокультурной ситуации в славянском пограничье» // Сборник докладов участников Международного научного форума (г. Новозыбков, Брянская область, 23–26 октября 2019 г.), Брянск, с. 42-49.
- УЖЧЕНКО, В. Д., УЖЧЕНКО, Д. В. (2007). Фразеологія сучасної української мови: навчальний посібник. Київ: Знання.
- ФСРГО (2020): АРЕФЬЕВА, Н. Г. Фразеологический словарь русских говоров Одесщины. Одесса: Изд-во «Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова».
- ФСРЯ (1968): Фразеологический словарь русского языка (ред. А. И. Молотков). Москва: Изд-во «Советская энциклопедия».
- ЭСРЯ (1987): ФАСМЕР, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 тт. Москва: Прогресс. Т. 4.

BIBLIOGRAPHY

- AREF'EVA, N. G. (2018): "K voprosu ob izuchenii frazeologicheskogo fonda russkikh ostrovnykh govorov Odesshchiny: postanovka problemy", *Materiali Mizhnarodnoi naukovo-praktichnoi konferencii «Filologiya v kraïnah ES ta v Ukraïni na suchasnomu etapi»* (Rumuniya, Baya-Mare, 21–22 grudnya 2018r.), Baya-Mare, s. 8-11.
- AREF'EVA, N. G. (2021a): *Frazeologiya russkikh pereselencheskikh govorov yuga Ukrainy: monografiya*. Astroprint, Odessa.
- AREF'EVA, N. G. (2021b): *Frazeologiya rosijs'kih pereselens'kih govirok Pivdnyia Ukraïni: lingvokul'turologichnij ta leksikografichnij aspekti: disertaciya na zdobuttia naukovoogo stupenya doktora filol. nauk: 10.02.02 – rosijs'ka mova: zah. 22.12.2021*. Odesa, ONU imeni I.I. Mechnikova; DNU imeni Olesya Gonchara.
- BARANNIK, L. F. (2015): *Leksika russkikh pereselencheskikh govorov Odesskoj oblasti, funkcioniruyushchih v raznoyazychnom okruzhennii: uchebnoe posobie*. Odesskij nacional'nyj universitet imeni I. I. Mechnikova. Odessa.
- BSRNS (2008): МОКИЕНКО, В. М., НИКИТИНА, Т. Г. *Bol'shoj slovar' russkikh narodnykh sravnenij*. Moskva: ZAO «OLMA Media Grupp».
- BSRP (2007): МОКИЕНКО, В. М., НИКИТИНА, Т. Г. *Bol'shoj slovar' russkikh pogovorok*. Moskva: ZAO «OLMA Media Grupp».
- BSRPS (2010): МОКИЕНКО, В. М., НИКИТИНА, Т. Г., НИКОЛАЕВА, Е. К. *Bol'shoj slovar' russkikh poslovic*. Moskva: ZAO «OLMA Media Grupp».

- ESRYA (1987): FASMER, M. *Etimologičeskij slovar' russkogo yazyka*: v 4 tt. Moskva: Progress. T. 4.
- FSRGO (2020): AREF'EVA, N. G. *Frazeologičeskij slovar' russkih govorov Odesshchiny*. Odessa: Izd-vo «Odes'kij nacional'nij universitet imeni I. I. Mechnikova».
- FSRYA (1968): *Frazeologičeskij slovar' russkogo yazyka* (red. A. I. Molotkov). Moskva: Izd-vo «Sovetskaya enciklopediya».
- GRICENKO, P. YU. (2015): “Informacijnij prostir dialektного tekstu”, *Dialekti v sinhronii ta diahronii: tekst yak dzhерelo lingvistichnih studij*. iv, s. 100-114.
- KA (2018–2021): Kartoteka N. G. Aref'evoj. Komp'yuternyj variant.
- KM (2017–2018): Kartoteka uchitelya obshcheobrazovatel'noj shkoly № 113 g. Odessa L. M. Martynovoj. Komp'yuternyj variant.
- KOVSHOVA, M. L. (2016): *Lingvokul'turologičeskij metod vo frazeologii: Kody kul'tury*, Moskva: LENAND.
- KSRGO (1956–2018): Kartoteka «Slovaria russkykh hovorov Odesshchiny». Kafedra russkogo yazyka (s 2020 h. — kafedra obshcheho i slavianskogo yazykoznanija) ONU imeni I. I. Mechnikova. Rukopis.
- MOKIENKO, V. M. (2020): Recenziya na: “Natal'ya G. Aref'eva. *Frazeologičeskij slovar' russkih govorov Odesshchiny*. Odesskij nacional'nyj universitet imeni I. I. Mechnikova. Odessa, 2020”, *Slavia: časopis pro slovanskou filologii*, ročnik 89, sešit 3, s. 355-361.
- RPP (1961): RYBNIKOVA, M. A. *Russkie poslovicey i pogovorki*. Moskva: Izd-vo Akademii nauk SSSR.
- RUFSSK (2018): AREF'EVA, N. G. *Russko-ukrainskij frazeologičeskij slovar' kulturnyh simbolov*. Odessa: Izd-vo «Odesskij nacional'nyj universitet imeni I. I. Mechnikova».
- SELIVANOVA, O. O. (2010): *Lingvistichna enciklopediya*. Poltava: Dovkillya-K.
- SRGO (2000-2001): *Slovar' russkih govorov Odesshchiny: v 2 tt.* (otv. red. YU. A. Karpenko, S. Uemura). Odessa: Izd-vo «AstroPrint».
- STEPANOV, Ye. M. (2004). *Rosiiske movlennia Odesy: monohrafiia*. Odesa: Astroprint.
- STEPANOV, E. A. (2019): “Sovremennoe sostoyanie yuzhnorusskih pereselencheskih govorov Odesskoj oblasti” v «Idiolet russkoj yazykovej lichnosti kak otrazhenie lingvokul'turnoj situacii v slavyanskom pogranich'e: sbornik dokladov uchastnikov Mezhdunarodnogo nauchnogo foruma (g. Novozybkov, Bryanskaya oblast', 23-26 oktyabrya 2019 g.)», Bryansk, s. 42-49.
- UZHCHENKO, V. D., UZHCHENKO, D. V. (2007). *Frazeolohiia suchasnoi ukrainskoj movy: navchalnyi posibnyk*. Kyiv: Znannia.